

РЕЦЕНЗИЯ

на диссертацию Ребеки Джили

на тему „Память и культурная идентичность в мемуарной прозе кн. И.М.Долгорукова“, представленную на соискание образовательной и научной степени „доктор“ по научной специальности Русская литература XVIII века

Область высшего образования: 2. Гуманитарные науки

Профессиональное направление 2.1 Филология

Диссертационный труд Ребеки Джили относится к культурологическому ракурсу нового научного направления *«memory studies»*. Успешно проведенный анализ памяти и культурной идентичности на материале малоизвестного текста дает основание отнести исследование к актуальному изучению литературной периферии и реабилитации писателей „второго ряда“, их „забытых“ текстов, оставшихся вне канона „генералов“. Труд связан и с актуальным антропологическим поворотом гуманитаристики в нескольких исследовательских линиях: микроистория с интересом к человеку в истории и его биографии, связанной с менталитетом социальной группы; „беллетристика в личных документах“ - в жанрах личной и домашней литературы - дневники, мемуары, автобиография, письма; семиотический подход к бытовому поведению и конструированию личности в повседневной жизни. В целом, труд Ребеки Джили является примером удачного выбора темы. С одной стороны, с ее ориентацией на утвердившиеся исследовательские области, предлагающие проверенные теоретические концепции и солидную библиографию, а, наряду с тем, с выбором автора и текста, оказавшихся „забытыми“, и с возможностью применить к ним установленные методологические подходы.

Междисциплинарный характер диссертационного труда необходим и адекватен самому объекту исследования, заявленному в заглавии, а представленный на защиту текст отличает эрудиция автора в областях истории, быта и культуры русского дворянства; истории русской литературы и автобиографической прозы XVIII – начала XIX века. Изложение отличают точность тезисов и их аргументации, а наряду с тем живой и увлекательный научный рассказ, богатство подстрочного аппарата комментариев.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения. Приложен библиографический список 355 использованных в работе трудов на русском, английском, французском, немецком, итальянском и болгарском языках.

Во **Введении** (с. 5 -31) представлены сведения о истории рода Долгоруковых с ее драматическими поворотами, о литературном творчестве князя И. М. Долгорукова, о изданиях и исследованиях его текстов, введена научная биография его Мемуаров как объекта исследования. Информация и особенно исторические сведения весьма необходимы для более широкой аудитории, в случае публикации диссертации. Рекомендую добавить сведения о очевидно сильном интересе к роду Долгоруковых и его истории, синхронном созданию Мемуаров. Например, Долгоруковы как герои в исторических рассказах (анекдотах), собранных Яковом Штелиным (1793-1800), Андреем Нартовым (1786), Иваном Голиковым (1807); упоминания в „Записках по русской истории XVIII века“ А. Пушкина (1822).

При выяснении истории изучения Мемуаров представляется необходимым не просто упомянуть, а более подробно реферировать труды историка О. Солодянкиной, так как в них названы важные тезисы, связанные с идентичностью, с исследовательским подходом истории эмоций, с категориями памяти, дворянской чести, службы как важные проблемы, которые детально рассмотрены Ребеккой Джили.

Начальные две главы труда имеют вводный характер. В них поставлены проблемы, обосновывающие цель и задачи изучения Мемуаров. **Глава первая „Память, культура и мемуаристика: научные парадигмы“** (с. 32- 54) имеет характер теоретического компендиума, обеспечивающего методологические основы для анализа триады „память – культура – идентичность“. Основные теоретические концепции, связанные с проблемами изучения „памяти“ и „идентичности“ в европейской гуманитаристике, умело сведены к проблематике диссертации и предстоящего анализа функции памяти в конструировании культурной идентичности в жанрах автобиографии, мемуаров, письма. На мой взгляд, представлен исчерпывающий обзор русской традиции исследования домашней литературы и ее жанров, начиная с формалистов, тартуской семиотической школы, как и в последующем интенсивном изучении дворянской культуры в постсоветское время.

В Главе второй „Типология русской мужской автобиографии XVIII – начала XIX века“ (с. 55-77) рассматривается жанр мужской автобиографии как распространенное занятие в домашнем литературном пространстве русского дворянства и массовость этой практики в период сентиментализма. Ценен предложенный список мужских автобиографий. В этой части труда представлены важные для будущего анализа особенности повествовательной модели мемуарно-автобиографического текста. При выяснении исторических корней, становления и типологии жанра Ребека Джилли корректно учитывает наличные исследования. Художественные особенности мемуаров князя И. Долгорукова обсуждаются в диссертации с точки зрения разнообразных воздействий: типов автобиографии (гражданской и домашней, летописной и исповедной); жанров сентиментализма. Опираясь на тезис Лежона о „договаривании с читателем“, Ребека Джилли уточняет риторику искренности и причины составления мемуаров – реконструкция истории рода, опровержение врагов в целях аутомифологизации, сочинительство на досуге, наставничество мемуаров, адресованных потомкам, предназначенность для семейного чтения. Уместен акцент, поставленный на технике „коллажа“ документа, письма, дневниковой записи, важной в поиске оснований для апологетической позиции рода, аутомифологизации пишущего. Наставительные задачи обоснованно связаны с сентименталистской стратегией „воспитания чувств“ потомков.

Рекомендации к этой главе предполагают возможные дополнения теоретического характера. 1) При выяснении причин сочинительства мемуаров необходимо учесть студию С.И. Николаева, посвященную авторской топике: „Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом“ (Сб. „XVIII век, вып. 29“, 2017). 2) В ходе анализа влияния разнообразных повествовательных моделей на автобиографический рассказ Долгорукова была бы полезной концепция Г. Уайта о текстуализации истории (в данном случае, личной истории в составе истории дворянства) с ориентацией историографского рассказа в разные эпохи исторического воображения на литературные жанровые архетипы. Тезис Уайта важен, поскольку в диссертации комментируется следование мемуаристом за разными сюжетными моделями.

Следующие три главы (3,4,5 глава) являются центром исследования. С ориентацией на проблемы „память“ и „культурная идентичность“, конструкция труда в этой центральной

части следует логике конструирования идентичности мемуариста от семейной среды к общественной сфере, а также и конструирования автобиографического мифа и реабилитации рода Долгоруковых. Отмечу общее для этих трех глав впечатление о великолепном знании исследовательского и литературного контекста анализируемых проблем. Это определяет особую ценность аппарата цитирования и подстрочных примечаний. Работа с малоизученным текстом оправдывает алгоритм работы диссертанта - отсылки к тезисам известных исследований автобиографической и мемуарной литературы, дворянской культуры и последующий анализ материала из исследуемого произведения. При этом, однако, Ребека Джилли, как правило, не подчеркивает сделанное ей самой.

В Главе третьей „Память, культура и мемуаристика: научные парадигмы“ (с. 78-132)

поставлена задача анализировать эмоциональный мир личности автобиографического „я“ в „Повести о жизни“ князя И. М. Долгорукова и его идентичности потомка древнего рода старомосковского дворянства, неотделимой от литературной идентичности „чувствительного человека“. Ребека Джили обоснованно выбирает подход реконструкции истории эмоций с контекстуализацией в культурных/идеологических контекстах. Поиск связи между культом эмоций и семейным контекстом оказывается продуктивным в ходе анализа наставительности Мемуаров, адресованных к потомкам автобиографа. С опорой на терминологию, установленную в трудах по истории эмоций, семья рассматривается как эмоциональное убежище, эмоциональное сообщество, определенное сентиментальным кодом времени автобиографа, ценностью семьи, топикой „чувствительности“, „сердечной“ поэтикой. Удачно осуществлена контекстуализация рассматриваемых мотивов в соотношении с автобиографической прозой других авторов рассматриваемого периода и с другими текстами в творчестве самого Долгорукова. В семи параграфах в этой главе исследуется культ автобиографа к эмоциям, связанным с различными ролями в семейном контексте: гордость потомка „честью рода“, культ к отцу-наставнику и воспитанию чувств, супружеские портреты, сентиментальность родителя. Ценен анализ механизма идеализации - сочетание эмоциональных моделей сентиментализма с библейскими сюжетами – возвращение блудного сына, сюжет Лазаря, христианское праведничество. В анализе беллетризации рассказа о родовой истории успешно представлены литературные сентименталистские модели и идентификации: противопоставление между „серцем“ и „разумом“; супружеская эмоциональность и счастливый брак; супруга и „чувствительная“

героиня - *тихий ангел утешения, хранитель покоя и семейного мира*. Интересен комментарий галантного кода в мемуарах: моделирующая роль любовного романа и его риторики в беллетризации „своих“ и „чужих“ любовных историй, идентификации с галантным кавалером, рыцарем Дон Кихотом. Отцовская эмоциональность мемуариста убедительно связывается с сентименталистской педагогикой „воспитания чувств“. Последний параграф в этой главе посвящен чувствительности и танатологическим мотивам в семейном рассказе, который представлен в синхронных контекстах „меланхолической“ литературы и собственного творчества мемуариста. Доказано обобщение о конструировании автобиографического мифа „чувствительного“ мемуариста в амплу преданного сына, верного супруга и любящего отца.

Глава четвертая „Служба и формирование автобиографического мифа. Дворянская этика долга и самоидеализация кн. И. М. Долгорукова“ (с. 133-194) посвящена исследованию автобиографического мифа мемуариста в общественной сфере и идентификации с ценностями служебного дворянства. Ребека Джилли скрупулезно анализирует „дворянскую службу“ как сквозную тему в „Повести о жизни“ князя Долгорукова. Эта глава диссертации (как и следующая) разработана в духе лучших традиций изучения повседневной жизни русского дворянства с его бытом и традициями, представленные в трудах по истории и семиотике русской культуры Ю.М.Лотмана. Ребека Джилли анализирует переплетение двух кодов, связанных с самоидеализацией мемуариста служащего дворянина, – код классицизма с категориями преданности к императору и долга к отечеству, достоинства и аристократической чести и код сентименталистской „чувствительности“ „доброты и сострадательного сердца“. Такое понимание рассмотрено с учетом классицистического канона идеальной и тиранической императорской власти. Сентименталистская психологизация образа чувствительного и добродетельного служащего дворянина успешно представлена в границах классицистического противопоставления личной добродетельности недостойным нравам русского дворянства. С точки зрения истории культуры интересен анализ воплощения идеи „мягкой власти“, унаследованной из просветительской программы Екатерины Великой – о воспитании нравов дворянства, о просвещении русской провинции наряду с анализом противоположных примеров абсолютизма, пережитых при Павле I и в эпоху лицемерия/ложной „чувствительности“ Александра I. Успешно прослежена Стародумовская самоидентификация мемуариста и его

отца в ее противопоставленности широкому кругу литературных идентификаций прежде всего из Фонвизиновского репертуара нарицательных имен в общественной комедии. Эти идентификации вписываются в контекст современной Долгорукову сатирической литературы, с отсылками к сатирическому изображению провинциальной реальности XIX века. Рассмотренный образ добродетельного губернатора-просветителя в мужской автобиографии (князя И. Долгорукова, Г. Державина) оказывается этапом развития устойчивой темы в русской литературе, продолженной в XIX веке с возрождением Фонвизиновой модели в сатирических образах Градоначальника, Города и абсурдов управления в текстах Гоголя и Салтыкова-Щедрина. В заслугу диссертации можно поставить анализ образа мягкой и добродетельной власти „чувствительного“ властимеющего в восстановленной картине бессмысленного имперского бюрократизма, проникшего во всех сферах общественной жизни наряду с устойчивыми отрицательными явлениями в сфере службы – вражда, шпионаж, донос, обида, коррупция, патрональность, лабиринт интриг, моральная деградация. Анализ свидетельствует о хорошем знании социальных контекстов. Думается, что этот анализ можно уплотнить, если учесть синхронные тексты о отрицательных явлениях в жизни русского дворянства, созданные потомственными благородниками в годы мемуарного творчества князя И. Долгорукова: „О повреждении нравов русских“ князя М. Щербатова (1797), „Заметки о русской истории XVIII век“ на Пушкин (1822). Что касается литературного образа „нового дворянства“, интересна точка зрения А. М. Панченко о Фроле Скобееве, оцененного как „старшего современника“ Петра Первого времени появления „нового дворянства“ - без родовой истории и имени, активно „пробивающего себе дорогу к социальным вершинам“. В самоидеализации служащего князя Долгорукова стратегия мемуариста о возврате поколебленного величия рода Долгоруковых связана с идентичностью представителя русской элиты, противопоставленной выскочке „нового дворянства“.

Глава пятая „Кн. И. М. Долгоруков и дворянская общественная жизнь XVIII – начала XIX века“ (с. 196-271) продолжает исследование автобиографического мифа мемуариста наблюдениями над культурной жизнью русского дворянства. Построенная на этюдном принципе, эта часть исследования относится к истории и семиотике русской дворянской культуры. Коректно представлены основные положения трудов Ю. Лотмана, В. Щукина, связанных с дихотомиями „столица – провинция“, „служба – отдых“, „культура –

природа“ как тематические гнезда описания дворянского быта. Анализ вписывает Мемуары князя Долгорукова в это поле с акцентом на трансформациях – прежде всего, иронических - стереотипов „чувствительной“ литературы (дворянское семейное гнездо покоя, идиллия в имении, мирный сельский труд, природа), как и их деконструкция. Трансформации мотивируются личной историей мемуариста и его дома. В согласии с современным теоретическим подходом к жанру автобиографии в диссертации показана литературность автобиографического рассказа с его ориентацией на литературные модели и ассоциации. Внимательный анализ Ребеки Джили представил аристократическое самосознание „чувствительного“ автобиографа и его консервативной позиции сторонника просвещенного монархизма, который занимает специфическую позицию с отклонениями от стереотипов сентименталистских идеализаций. Предложенный анализ консервативной позиции Долгорукова аргументирован и не вызывает возражений. Например, в комментарии крестьянского вопроса подчеркивается позиция мемуариста в стороне от руссоизма и идеи сословного равенства. Позиция аргументируется наблюдениями князя Долгорукова над суровыми условиями крестьянской жизни и труда, и над способностью жить свободно. Консервативность взглядов мемуариста показана и в анализе его критического отношения к нарративу 1812 года в стороне от официальной патетики.

Сосредоточенность на домашнем литературном быту князя Долгорукова как часть дворянской повседневности углубляет представление о культурной/литературной идентичности мемуариста. Предложенный анализ сочинительства, чтения, театральной деятельностью князя выявляет в этих формах литературную топику сентиментализма и романтизма, литературные идентификации с „чувствительным“/меланхолическим героем. В этой части труда Ребека Джили убедительно вписывает „Повесть“ в широкий литературный контекст европейской и русской традиции. В заслугу диссертантке следует поставить привлечение внимания к участию князя И. М. Долгорукова в заседаниях „Беседы любителей русского слова“ – весьма важный факт, до сих пор оставшийся не отмеченным даже в капитальной (единственной на сей день) монографии М.Альтшуллера о „Беседе“. Наряду с тем, не менее ценно внимание диссертанта к литературному кружку князя Долгорукова, оставшемуся пока только в списке литературных обществ первых десятилетий XIX века в архивистском исследовании М. Аронсона и С. Рейсера.

В Заключении подведены итоги проведенного исследования.

Общая положительная оценка проведенного диссертационного исследования касается компетентности анализа личной истории и истории рода Долгоруковых, как часть сословной истории старомосковской дворянской элиты с ее драматической судьбой в период „нового дворянства“ и фаворитизма. В этой связи описание научного вклада диссертации, подробно описанного в автореферате, можно дополнить. На мой взгляд, проведенное исследование вводит текст „Мемуаров“ князя И. М. Долгорукова в важную тематическую линию русской литературы, связанную с судьбой потомственной аристократии в условиях самодержавной власти и „нового дворянства“. Мемуары занимают место в одном ряду с очерками князя М. Щербатова („Очерки о повреждении нравов русских“), с автобиографической позицией Пушкина о родовой чести, имени и памяти старомосковского дворянства, последовательно заявленной в „Моей родословной“, в эмблематическом образе Евгения – потомственного благородного дворянина с „родом и именем“ в „Медном всаднике“ и его судьбы в новом государстве периода европеизации России с ценностями нового дворянства о „службе“. В этом плане в диссертации успешно показана полихрония мемуарного текста с ориентацией автобиографии на два временных и ценностных измерений, связанных с идентичностью мемуариста – родовой памяти и самосознания связанности со старомосковским дворянством и жизни в „новое время“ после Петра.

Большая часть из тезисов диссертации апробированы в докладах и публикациях в авторитетных изданиях Отдела русской литературы XVIII века ИРЛИ РАН, Международного и Болгарского обществ изучения XVIII века.

Автореферат верно и полно отражает основное содержание диссертационного труда.

Заключение. На основании общей оценки диссертации, которая представляет собой оригинальное авторское исследование, характеризующееся новизной, предлагаю членам почитаемого Научного жюри присудить ее автору Ребеке Джили научную и образовательную степень „доктор“ по научной специальности „Русская литература XVIII века“ и убежденно проголосую „за“.

31 мая 2024 г.

Проф. д.ф.н. Денка Кръстева